

**Ф. Андреев**

**Московская духовная  
академия и славянофилы**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 291  
ББК 86.3  
Ф11

Ф11 **Ф. Андреев**  
Московская духовная академия и славянофилы / Ф. Андреев – М.: Книга  
по Требованию, 2019. – 84 с.

**ISBN 978-5-458-56487-8**

**ISBN 978-5-458-56487-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



тивъ—тотъ максимумъ совершенства, котораго можетъ достигнуть въ земныхъ условіяхъ каждый отдѣльный племенной союзъ, вѣрный своему божественному предназначенію. И нигдѣ, думали славянофилы, высота этого божественнаго предназначенія не доведена до такой степени совершенства, какъ въ племенахъ славянскихъ и, въ частности,—въ народѣ русскомъ. Будущность этого племени представлялась имъ въ сіяніи славы: здѣсь максимумъ племеннаго совершенства совпадалъ поистинѣ съ максимумомъ общечеловѣческимъ вообще. Къ осуществленію его и звали славянофилы; но успѣхъ этой дѣятельности, по ихъ убѣжденію, зависѣлъ исключительно отъ степени вѣрности русскаго народа православнымъ завѣтамъ его отцовъ. Вопросы славянофильской политики тѣсно связаны съ судьбами русскаго православія, и если Москва для нихъ тождественна съ цѣлою Русью, то и послѣдняя неотдѣлима отъ всего Православнаго Востока.

Но, не во имя ли защиты восточнаго русскаго православія противъ иноземныхъ вліяній получила свое бытіе и наша Академія? Вѣдь она возникла въ сознательный противовѣсъ западному направленію, проникавшему въ русское просвѣщеніе <sup>5)</sup>. Какъ Москва славянофильская звала царя прочь отъ окна въ Европу внутрь, въ его русское жилище, такъ и „Еллино-Славенскія школы“ <sup>6)</sup>, изъ которыхъ выросла Московская Академія должны были, прекративъ доступъ западнымъ вѣяніямъ, сохранить и упрочить внутри восточной ограды разумное пониманіе вселенской истины православія. И было время, когда наша Академія призывалась одна нести эту отвѣтственную службу.—„Указъ нашъ царскій нерушимо полагаемъ, говорится въ нашей *Академической Привилегіи*, еже бы ни единому кому здѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, и въ прочихъ нашей царскія державы градѣхъ, развѣ сего отъ насъ, великаго государя, учиненнаго училища... не учити, точію въ семъ единомъ общемъ училищѣ

<sup>5)</sup> См. напр. А. Галкинъ. „Академія въ Москвѣ въ 17 столѣтіи“ М. 1913.— Вся вторая глава (стр. 27—59). Многo примѣровъ также въ статьѣ Архим. Иларіона: „Богословіе и свобода Церкви“ („Богосл. Вѣста“. н. г., сентябрь). Но вообще, конечно, фактъ исторически извѣстный.

<sup>6)</sup> С. К. Смирновъ. „Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“. М. 1855. Стр. 38.

да учатся, во еже бы отъ разныхъ домовныхъ учителей, паче же отъ иностранныхъ и иновѣрныхъ, противности какой либо вѣрѣ нашей православной не внесется и не быти разгласію“<sup>7)</sup>).

Скажутъ: то было давно,—нынѣ Академія Кіевская дѣйствуетъ уже согласно съ Московскою, Петроградъ уже не смѣется надъ „московитствомъ“ славянофиловъ,—время московскихъ „привилегій“ прошло! Да, но должна ли пройти и самая память о томъ, что была когда то на свѣтѣ славянофильская и православная Москва? Конечно, чѣмъ больше мѣсть на земномъ шарѣ будутъ въ этомъ смыслѣ какъ Москва—тѣмъ лучше, однако слѣдуетъ ли отсюда, что понятіе московскаго совершенно теряетъ свое прежнее значеніе? Не должна ли Москва и нынѣ остаться символомъ православнаго Востока? Нельзя ли понятіе московскихъ привилегій сдѣлать устойчивымъ, несмотря на внѣшнее ихъ несоотвѣтствіе настоящему положенію дѣлъ? Понятіе православнаго Востока шире понятія Москвы, но оно уже понятія „всего свѣта“. Московскія привилегіи и должны напомнить объ этой послѣдней истинѣ. Да, Востокъ есть только одна изъ странъ свѣта,—въ этомъ его исключительность, но въ этой странѣ свѣта нашла себѣ земное прибѣжище надмірная истина, и въ этомъ *привилегія* Востока. Московское, прибавленное къ Академіи, только напоминаетъ и ей и всякой другой Академіи, что онѣ по существу московскія, т. е. не западныя, а восточныя, православныя. Если такъ, то мы снова возвращаемся къ наиболѣе широкому пониманію поставленной темы, какъ задачи выяснить черты внутренняго совпаденія двухъ великихъ теченій: славянофильскаго и духовно-просвѣтительскаго. Отъ прибавленія понятія *московскаго* тема ничего не теряетъ въ своей принципиальности. Но разсмотрѣніе вопроса въ такой широкой постановкѣ мы откладываемъ до болѣе удобнаго времени: въ сборникѣ, содержащемъ историческіе матеріалы, и наше изложеніе приобретаетъ повѣствовательный характеръ. Здѣсь московское берется въ его узкомъ смыслѣ; впрочемъ и символическое не

---

<sup>7)</sup> Приводится у Н. Ѳ. Каптерева въ статьѣ: „О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ 17 столѣтіи“. „Прибавл. къ твор. св. отцевъ“. Ч. 44, стр. 567.

исчезаетъ вовсе: оно чутко сторожить нашу юбилейную тему, готовое каждую минуту освѣтить ея временное и мѣстное значеніе свѣтомъ, льющимъ съ высоты Востока. Стоя на реалистической почвѣ и признавая истинно восточное всюду, гдѣ бы оно ни проявлялось, мы не хотимъ сводить и Москву къ одному лишь отвлеченному понятію. Русскій востокъ всюду, гдѣ жива русская идея, но взоры русскихъ людей почему то всегда упорно обращаются къ Москвѣ. Ошибемся ли мы, если скажемъ, что въ послѣдніе дни Москва даже рѣшительно побѣдила; что славянофильство нынѣ становится хорошимъ тономъ, ко благу или ко вреду его—покажетъ будущее \*).

Но, если нынѣ Москва снова объединяетъ Россію и съ нею весь православный востокъ, то славянофиловъ и дѣятелей нашей Академіи она объединяла всегда. Когда, въ 1856 году, вышла „Русская Бесѣда“,—первый органъ объединенныхъ славянофиловъ, въ программѣ которой говорится: „Народность русская неразрывно соединена съ православною вѣрой. Вѣра—душа всей русской жизни“, и задачей журнала ставится оправданіе и обоснованіе этого начала,—наша Академія, въ лицѣ А. В. Горскаго, живо откликнулась на этотъ славянофильскій призывъ. „Первый № вашего изданія, писалъ онъ Н. П. Гилярову-Платонову—одному изъ главныхъ сотрудниковъ „Бесѣды“, произвелъ здѣсь (т. е. въ Академіи—*Г. А.*) самое благопріятное впечатлѣніе. Самостоятельность сужденія,—серьезность нравственныхъ убѣжденій, русскій умъ и сердце,—сочувствіе къ славянству—все это прекрасные залого благоухъ успѣховъ въ будущемъ, успѣховъ, можетъ быть, не быстрыхъ, не громкихъ, но глубокихъ, сильно дѣйствующихъ на литературу и жизнь. Господь да поможетъ“<sup>8)</sup>! Въ этихъ словахъ Горскаго, по поводу самаго програмнаго изъ всѣхъ славянофильскихъ журналовъ, въ свою очередь, думается намъ, дана какъ бы програма всѣхъ

\*) „Время славянофильствуетъ“, свидѣтельствуетъ современный славянофилъ В. Эряъ, въ статьѣ, такъ озаглавленной. Но онъ не рѣшается утверждать, что вмѣстѣ съ временемъ славянофильствуютъ и люди (Отдѣльно въ серіи „Война и Культура“. М. 1915. Стр. 5 и др.).

<sup>8)</sup> Приводится въ статьѣ кн. Н. Шаховскаго: „Годы службы Н. П. Гилярова—Платонова въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ“. „Русское Обозрѣніе“. 1907 г. Т. 46. Стр. 171 (Письмо отъ 11 мая 1856 года).

позднѣйшихъ отношеній къ славянофиламъ нашей Академіи. Пусть эти отношенія повидимому были внѣшніи, пусть было не мало и взаимнаго непониманія, но, думается, на общей памяти тѣхъ и другихъ не осталось темныхъ пятенъ: одинъ молча обмѣненный взглядъ всегда могъ возстановить нарушенное равновѣсіе встрѣчи. Вѣдь тѣ и другіе—братья по крови, вѣдь то—московская кровь, то—лишь выявленное до конца сходство фамильныхъ чертъ ихъ общей матери православной Россіи.

Такъ ли это, или нѣтъ—пусть судить читающій описаніе этихъ внѣшнихъ встрѣчъ.

---

Говоря о славянофильствѣ всегда имѣютъ въ виду то идейное теченіе, которое, получивъ начало въ сороковыхъ годахъ въ Москвѣ, затѣмъ, уже не прерываясь, достигаетъ и до нашихъ дней. И это вполне справедливо: внѣ московскаго славянофильства мы не знаемъ никакого другого аналогичнаго ему литературно-общественнаго движенія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, впервые ясно высказавъ завѣтныя русскія думы, славянофильство открыло глаза и на такія явленія русской жизни, которыя, стоя внѣ непосредственной преемственной связи съ нимъ, въ смыслѣ идейномъ оказались отдаленными его предтечами. Къ числу такихъ „тайныхъ отцовъ славянофильства“<sup>9)</sup> относится Григорій Саввичъ Сковорода. Воспитанный на западныхъ философскихъ образцахъ и непосредственно знакомый со всѣмъ строемъ европейской культуры, онъ первый попытался на собственной русской почвѣ возродить сѣмя русской философіи. Въ немъ славянофильство еще не нашло своего слова, но онъ хранилъ его, какъ завѣтную тайну своего сердца. Полнымъ таинственности было и его посѣщеніе Троицкой лаврской семинаріи, въ которомъ мы видимъ какъ бы прелюдію къ исторіи сношеній славянофиловъ съ нашей Академіей.

Въ 1755 году былъ вызванъ въ Славяно-Греко-Латинскую Академію изъ Кіева, для преподаванія философіи и гомилетики, нѣкто Владиміръ Каллиграфъ, „перекрещенецъ изъ евреевъ“, одно время бывшій и префектомъ ея, на котораго

---

<sup>9)</sup> См. В. Эрьв. „Г. С. Сковорода. Жизнь и ученіе“. „Путь“. 1912. Стр. 340. Ср. все Заключение. „Сковорода и послѣдующая русская мысль“.

Арсеній Мацѣвичъ доносилъ, что онъ „въ Москвѣ говорили на поученіи плевели не токмо лютеранскія и кальвинскія, но и жидовскія“, за что тотъ послѣ и былъ уволенъ отъ преподавательской дѣятельности <sup>10)</sup>. Съ этимъ полу-землякомъ своимъ Скворода и отправился было въ Москву, но по пути завернулъ къ другому своему земляку префекту Троицкой семинаріи и намѣстнику Лавры—Кириллу <sup>11)</sup>. „Сей, увидя Сквороду, котораго зналъ уже по слухамъ и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености старался уговорить его остаться въ Лаврѣ для пользы училища“, такъ рассказываетъ извѣстный другъ Сквороды—Ковалинскій, однако,—тщетно! странствующій философъ не захотѣлъ промѣнять посохъ на кафедру и ушелъ такъ же внезапно, какъ и явился, „оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла“ <sup>12)</sup>.

Много лѣтъ спустя, когда семинарія стала уже Академіей и тайное славянофильство перешло въ явное, какъ бы по его стопамъ, пришелъ къ намъ другой великій украинецъ и если не отецъ, то старшій и ближайшій союзникъ славянофиловъ—Гоголь <sup>13)</sup>. И онъ, подобно Сквородѣ, бывалъ у насъ мимолетно, но пріемъ оказанный ему былъ еще болѣе теплымъ, какъ въ лицѣ его академическаго друга о. Ѳ. Бу-

<sup>10)</sup> Похороненъ въ Лаврѣ. См. „Ист. Слав-Гр-Лат. Акад.“. Стр. 209—210.

<sup>11)</sup> Ляшевецкому. Около того же времени онъ оставилъ службу въ семинаріи. С. К. Смирновъ „Исторія Троицкой Лаврской Семинаріи“. М. 1867. Стр. 96—97.

<sup>12)</sup> „Собраніе сочиненія Г. С. Сквороды. Т. I. Съ біографіей Сквороды М. И. Ковалинскаго („Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектанства“. Вып. 5. Спб. 1912“). Біографія. Стр. 6. Много рукописей Сквороды хранятся у насъ въ Академіи. Еще въ началѣ 1857 года имъ сильно интересовались Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, В. Д. Кудрявцевъ-Платоновъ и А. В. Горскій, какъ видно изъ ихъ переписки. Первый началъ изучать его параллельно съ Шеллингомъ, тотчасъ послѣ того, какъ оставилъ Академію и примкнулъ къ славянофиламъ. См. кн. Н. Шаховской: „Годы службы Н. П. Гилярова-Платонова въ Моск. Ценз. Комитетѣ“. „Русск. Обозрѣніе“. 1897. Т. 46. Августъ. Стр. 712 и 716—718.

<sup>13)</sup> „Правда тамъ именно и есть, гдѣ онъ ее ищутъ“, говорилъ онъ о славянофилахъ, по свидѣтельству Н. М. Павлова (см. его статью „Гоголь и славянофилы“ „Русск. Архивъ“. 1890. Т. I. Стр. 149). Но вообще, конечно, достаточно вспомнить всю исторію его личныхъ отношеній къ Аксаковымъ, Хомякову и ихъ едакомышленникамъ.

харева <sup>14)</sup>, такъ и со стороны молодыхъ академическихъ питомцевъ <sup>15)</sup>.

Такъ была проложена двумя великими малороссами малая дорожка въ Академію, по которой послѣ пошли къ намъ и тѣ изъ великороссовъ, кому это имя принадлежитъ не въ одномъ лишь этнографическомъ, но и въ болѣе глубокомъ смыслѣ. Эту дорожку и хотимъ мы нынѣ прослѣдить во всѣхъ ея самыхъ отдаленныхъ развѣтвленіяхъ. Мы не боимся, что они увлекутъ насъ въ сторону: „московскій отпечатокъ“ не такъ то легко стирается!

Семьи Кирѣевскихъ, Хомяковыхъ, Аксаковыхъ и Самаринныхъ—вотъ столпы славянофильства. Около нихъ, прежде всего, и должны сгруппироваться всѣ свѣдѣнія, касающіяся намѣченной темы. Впрочемъ и здѣсь, если мы, въ предѣлахъ каждаго отдѣльнаго славянофильскаго рода, будемъ стоять на строго хронологической почвѣ, нашъ рассказъ предварится небольшой, не чисто славянофильской, но очень близкой къ славянофильству сценой. Дѣйствующимъ лицомъ въ ней является Жуковскій—самый близкій другъ семьи Кирѣевскихъ, и конечно, тоже одинъ изъ пѣвцовъ „во станѣ русскихъ войновъ“. Въ 1849 году Жуковскій прислалъ въ „Москвитянинъ“ Погодину—этому меньшому славянофилу, о которомъ рѣчь будетъ дальше—свою малоизвѣстную широкой публикѣ статью: „Двѣ сцены изъ Фауста“, гдѣ онъ, въ подражаніе послѣднему, даетъ опытъ умозрительнаго истолкованія первыхъ словъ евангелія отъ Іоанна.

„Въ той сценѣ, пишетъ Жуковскій, которая предшествуетъ явленію Мефистофеля, то есть за минуту передъ тѣмъ, какъ овладѣла имъ враждебная сила, Фаустъ переводитъ изъ св. писанія I главу Іоанна. Онъ хочетъ поправить и выразить по своему мысль евангелиста, и такую гордостію становится доступенъ губительному искушенію. Никакой чело-вѣческой умъ, рассуждаетъ Жуковскій далѣе, не придумаетъ ничего выше и всеобъятнѣе этого дивнаго евангельскаго „слова“; съ нимъ на ряду можно поставить только то, которое слышалъ Моисей изъ пламенной купины: *азъ есмь съи*.

<sup>14)</sup> Имѣемъ въ виду „Три письма къ Гоголю“ послѣдняго.

<sup>15)</sup> См. „Богосл. Вѣстн.“ 1909. Мартъ. Н. Л. Т. „Замѣтка о посѣщеніи Н. В. Гоголемъ Моск. Дух. Академіи“. Стр. 481—483.

Въ семь послѣднемъ изображенъ Богъ безъ всякаго отношенія къ созданію; въ *словѣ* евангелиста изображенъ Богъ-Создатель во времени и вѣчности. Выраженіе *слово* (logos) разомъ объемлетъ то и другое. Но здѣсь подъ *словомъ* разумѣется не одно опредѣленное, языкомъ произносимое и слухомъ принимаемое слово; но слово вообще, то есть и слово—*духовное тѣло мысли*, вмѣстѣ съ мыслию въ минуту ея рожденія создающееся въ душѣ нашей, и слово—*матеріальная одежда этого духовнаго тѣла*, звукъ, его выражающій. По крайней мѣрѣ оно такъ въ отношеніи къ человѣку... Слово Божіе, напротивъ, есть Богъ—и Богъ, какъ творецъ, и Богъ, какъ твореніе, отъ вѣка бывшее и въ Богѣ и съ Богомъ, изъ воли его истекшее и въ немъ заключенное, но съ нимъ несліянное и съ нимъ не тождественное, имѣвшее начало, ибо оно твореніе, и безначальное, ибо оно есть *непосредственное* Божіе твореніе, а Богъ дѣйствуетъ въ вѣчности, въ которой *было, есть и будетъ*—одно и то же“<sup>16)</sup>. — Такъ пытается Жуковский исправить погрѣшность Фауста и, незаметно для себя, самъ высказываетъ настоящую ересь. Но такова (его статья въ окончательномъ видѣ, въ рукописи она еще подверглась нѣкоторымъ передѣлкамъ. Первымъ домашнимъ цензоромъ ея былъ И. В. Кирѣевскій.

„Возвращаю тебѣ статью Жуковскаго“, писалъ онъ Погодину, — „посмотри перемѣны, которыя я сдѣлалъ; кажется, теперь ничего нѣтъ противнаго Православію. Если это не очень портитъ ее въ риторическомъ отношеніи, то рѣшишь печатать въ этомъ видѣ. Но во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что о риторикѣ думать нечего, когда дѣло идетъ о Православіи“<sup>17)</sup>. Не знаемъ, какъ отнесся къ этому дѣлу Погодинъ, но другой изъ малыхъ славянофиловъ Шевыревъ замѣтилъ, что и послѣ поправокъ Кирѣевскаго статья содержитъ въ себѣ много неправославнаго. Тѣмъ не менѣе всю вину онъ хотѣлъ свалить на духовную цензуру, которой предстоитъ вынести окончательный приговоръ, и гдѣ главнымъ лицомъ въ то время былъ нашъ Ѡ. А. Голубинскій. „Зачѣмъ ты послалъ статью Жуковскаго въ духовную цен-

<sup>16)</sup> „Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго“. Спб. 1902. Т. 10. Стр. 124, 2—125, 1.

<sup>17)</sup> Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“. Т. 9. Стр. 383.

зуру? писать онъ Погодину. Какимъ образомъ Голубинскій будетъ цензоровать статью о Фаустѣ, Мефистофелѣ и Гретхенѣ? Что за нелѣпость! Можно было посоветоваться съ какимъ-нибудь духовнымъ лицомъ, опытнымъ въ дѣлѣ, даже съ самимъ Митрополитомъ, но не отправлять въ духовную цензуру, которая такой статьи цензоровать не можетъ и не должна. Если они понимаютъ смыслъ своихъ дѣйствій, то должны оборотить статью назадъ“<sup>18)</sup>. Шевыревъ, однако, ошибался: официальный духовный критикъ свѣтскихъ темъ оказался на высотѣ и умственного и духовнаго величія.

Разсмотрѣвъ статью и поправки И. В. Кирѣевского Голубинскій отвѣчалъ Погодину, какъ истинный мудрецъ: „Трудно говорить онъ, исправлять слова человѣка, богатаго живыми мыслями. Но вы предложили мнѣ это; потому только и рѣшился я замѣнить нѣкоторыя его выраженія своими. Онъ говоритъ о вѣчномъ Словѣ въ смыслѣ Платона и Плотина, и разумѣетъ едва ли не то, что у нихъ *κόσμος νοητός, τόπος* (или *πλήρωμα*) *ἁνωφιδεῶν*, и въ этомъ смыслѣ могъ написать „твореніе“. Мы другому научились у апостоловъ Іоанна и Павла, у которыхъ я и заимствовалъ вставленные мною выраженія. Если этотъ begeisteter Mann крѣпко держится умозрѣній Платоническихъ въ этомъ пунктѣ, то хотя и есть сердечное желаніе ему лучшаго убѣжденія, но имѣемъ ли мы право писать за него вопреки его убѣжденію?... Предаю это на ваше разсмотрѣніе и рѣшеніе. Если примете вписанныя мною выраженія, то такъ и напечатаете ихъ, какъ вписаны. Если же усумнитесь принять, то зачеркнутыя слова прошу васъ не печатать, а навести, гдѣ нужно, связь, какъ сами знаете“<sup>19)</sup>...

Таково было, едва ли не первое, косвенное знакомство старѣйшаго изъ славянофиловъ со старѣйшимъ изъ столповъ нашей Академіи. Семь лѣтъ спустя Кирѣевскому пришлось снова по цензурнымъ дѣламъ, но уже непосредственно, столкнуться съ другимъ изъ нашихъ первыхъ наставниковъ— П. С. Делицинымъ. Въ „Русской Бесѣдѣ“ печаталась самая програмная изъ его славянофильскихъ статей—разсужденіе: „О возможности и необходимости новыхъ началъ для Фило-

<sup>18)</sup> Тамъ же. Стр. 384.

<sup>19)</sup> Тамъ же.

софін“. По поводу ея Т. И. Филипповъ—еще одинъ изъ славнофилловъ вторичной формации—писалъ ея автору: „Я сейчасъ пріѣхалъ отъ Троицы, куда возилъ вашу статью на разсмотрѣвіе духовной цензуры. Делицынъ выкинулъ изъ нея слѣдующія четыре строки: „чтобы даже внутренній приговоръ совѣсти, болѣе или менѣе очищенной, онъ (т. е. человѣкъ вообще—*Θ. А.*) не признавалъ, мимо согласія другихъ разумѣтельныхъ силъ, за конечный приговоръ высшей справедливости“. Причина выставлена такая: „Эта мысль можетъ иныхъ повести къ ложнымъ перетолкованіямъ, которыхъ конечно не имѣлъ въ представленіи авторъ“<sup>20)</sup>...

М. О. Гершензонъ, въ своемъ новѣйшемъ изданіи сочиненій И. В. Кирѣевского, замѣчаетъ по поводу этихъ словъ, что теперь уже „невозможно опредѣлить“, откуда они были вычеркнуты<sup>21)</sup>. Между тѣмъ, даже при самомъ поверхностномъ чтеніи всей статьи, они легко становятся на свое мѣсто. Именно, они продолжаютъ ту, центральную для всего разсужденія, мысль Кирѣевского, что истинная сила разума заключается въ его цѣльности. „Первое условіе для такого возвышенія разума, говоритъ Кирѣевскій, заключается въ томъ, чтобы онъ стремился собрать въ одну недѣлимую цѣльность всѣ свои отдѣльныя силы, которыя въ обыкновенномъ положеніи человѣка находятся въ состояніи разрозненности и противорѣчія; чтобы онъ не признавалъ своей отвлеченной логической способности за единственный органъ разумѣнія истины; чтобы голосъ восторженнаго чувства, не соглашенный съ другими силами духа, онъ не почиталъ безошибочнымъ указаніемъ правды; чтобы внушенія отдѣльнаго эстетическаго смысла, независимо отъ другихъ понятій, онъ не считалъ вѣрнымъ путеводителемъ для разумѣнія высшаго міроустройства; (даже,—) чтобы господствующую любовь своего сердца, отдѣльно отъ другихъ требованій духа, онъ не почиталъ за непогрѣшительную руководительницу къ постиженію высшаго блага; чтобы даже внутренній приговоръ совѣсти, болѣе или менѣе очищенной, онъ не признавалъ, мимо согласія другихъ разумѣтельныхъ силъ, за конечный при-

<sup>20)</sup> Тамъ же. Т. 14. Стр. 573—574.

<sup>21)</sup> „Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевского“. М. 1911. Т. I. Стр. 287. Примѣчанія.

говоръ высшей справедливости, но чтобы онъ постоянно искалъ въ глубинѣ души того внутренняго корня разумѣнія, гдѣ всѣ отдѣльныя силы сливаются въ одно живое и цѣльное зрѣніе ума“ <sup>22)</sup>). Конечно, цензоръ нашъ испугался за совѣсть. Но, думается, что и мы не поступаемъ противъ совѣсти, когда пытаемся, черезъ 60 лѣтъ, какъ бы загладить вину одного изъ своихъ далекихъ наставниковъ.

Впрочемъ, въ отношеніи къ самому И. В. Кирѣевскому Академія не только давно уже ее загладила, но еще и воздала ему сторицей. Огнявъ нѣсколько незначительныхъ строкъ изъ его статьи, она удѣлила ему самому много своихъ рабочихъ часовъ. Мы имѣемъ въ виду всю ту дѣятельность Кирѣевского по переводу св. отцевъ, преимущественно мистиковъ, которую онъ велъ при Оптиной пустынѣ и въ которой ближайшей помощницей его и порой даже просто работницей была наша Академія, главнымъ образомъ въ лицѣ все того же незабвеннаго Ѳ. А. Голубинскаго <sup>23)</sup>). О характерѣ этой совмѣстной дѣятельности ихъ свидѣлствуютъ сохранившіяся письма И. В. Кирѣевского и его жены Н. П. Кирѣевской къ оптинскому старцу Макарію. Писемъ самаго И. В.—ча немного, но зато писемъ его супруги—безъ числа, и о нихъ намъ тоже придется сказать нѣсколько словъ, такъ какъ въ нихъ именно раскрывается ясно степень участія въ этомъ дѣлѣ нашей Академіи и выясняется трудная роль, выпавшая на долю смиреннаго нашего Ѳ. А. Голубинскаго.

Интересно, между прочимъ, что первое изъ сохранившихся писемъ такого типа, принадлежащихъ самому Кирѣевскому, какъ бы непосредственно примыкаетъ къ „дѣлу“ о вышеприведенной статьѣ Жуковскаго. Въ немъ рѣчь идетъ о той же тайнѣ Второго Лица Пресв. Троицы, надъ которой размышлялъ и Жуковский: „Милостивый батюшка! пишу къ Кирѣевскій о. Макарію, прилагаю письмо инспектора Сергія <sup>24)</sup>), полученное мною въ отвѣтъ на то, которое я ему

<sup>22)</sup> Тамъ же. Стр. 249.

<sup>23)</sup> Ближнимъ помощникомъ И. В. въ этомъ дѣлѣ, кромѣ упоминаемыхъ ниже, былъ архим. Леонидъ, бывший нашъ бакалавръ. См. „Старцы о. Паисій Величковскій и о. Макарію Оптинскій и ихъ литературно-аскетическая дѣятельность“. М. 1909. Стр. 35.

<sup>24)</sup> Ляпидевскаго. Инспекторъ Академіи съ 1848 года. Профессоръ нравственнаго и пастырскаго богословія. Съ 1857 г. — ректоръ. „Ист. М. Д. А.“. Стр. 440—441.